

УДК 37.017.93

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ДУХОВНО–НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

ЕЛИСЕЕВА Елена Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
Дальневосточный государственный гуманитарный университет

***АННОТАЦИЯ.** В условиях глобального кризиса мировой цивилизации, системного кризиса российского общества отечественная педагогическая мысль пытается теоретически осмыслить современные проблемы общеобразовательной и профессиональной школы. Одна из них касается глубинных изменений происходящих в духовно–нравственном мире человека и человечества. В статье рассматриваются возможные пути решения проблемы духовно–нравственного состояния подрастающего поколения на основе разумного сотрудничества системы государственного образования и системы духовного просвещения.*

***КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** духовно–нравственное воспитание, образование, содержание образования, гуманистическая, православная традиции.*

ELISEEVA E. V.,

Cand. Pedagog. Sci., Docent of the Department of Pedagogy
Far Eastern State University of Humanities

THE MAIN PRINCIPLES OF HUMANISTIC AND ORTHODOX PEDAGOGY IN THE LIGHT OF THE PROBLEMS OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF A PERSON

***ABSTRACT.** In the context of the global crisis of the world civilization and systematic crisis of Russian society, the national pedagogical thought is trying to comprehend the current problems of school providing general education and professional training. One of these problems concerns the profound changes taking place in the spiritual and moral sphere of man and mankind. The author considers possible solutions to the problem of spiritual and moral state of the rising generation on the basis of reasonable cooperation of the public and spiritual education systems.*

***KEY WORDS:** spiritual and moral education, educational content; humanistic and Orthodox traditions.*

В условиях глобализации социокультурных проблем, всеобщей технологизации, сложных и противоречивых процессов модернизации и реформирования российской системы образования, происходящей смены парадигм в педагогике и дидактике; многолетнего отчуждения человека от подлинной духовной культуры, национальных корней и традиций в отечественном образовании обозначился ряд проблем, среди которых важнейшей является проблема духовно–нравственного состояния подрастающего поколения. Не случайно в Концепции духовно–нравственного развития и воспитания личности граждан России, разработанной в соответствии с Конституцией РФ и Законом РФ «Об образовании», «магистральным направлением» российского системы образова-

ния определено духовно–нравственное развитие личности. Духовно–нравственная составляющая всегда была, есть и должна оставаться основой любого развития.

Сегодня, когда идет поиск путей духовного возрождения России, обращение ученых, педагогов–практиков к духовно–нравственным традициям отечественного образования и воспитания, к опыту православной педагогики как системы духовно–нравственного становления личности является своевременным и актуальным. Современный русский человек, даже если он исповедует принципиальный атеизм или абсолютно равнодушен к религии, со всеми своими достижениями или недостатками остается номинально православным человеком по своему менталитету. И не учитывать это в

процессе воспитания и обучения (равно как и в процессе государственного, культурного, экономического строительства) нельзя. Признавая, что процесс образования есть по природе своей процесс перманентный, который осуществляется в определенной культурно-исторической среде, следует говорить об образовании и воспитании не вообще, а применительно к конкретной культурно-исторической традиции. Такой подход требует сочетания государственного, народного и национального воспитания и образования с более чем тысячелетней православной традицией России.

В целях выявления возможных и наиболее оптимальных путей решения обозначившейся проблемы мы проанализировали некоторые основные положения гуманистической и православной педагогических традиций, исторически сложившихся в нашем обществе, которые внешне выступают как противоположные, но при более внимательном анализе предстают как органически взаимодополняющие друг друга и онтологически составляют то единое целостное образовательное пространство, которое соответствует самой сущности и природе человека.

Безусловно, обе традиции в основе своей содержат общечеловеческие ценности и понимание человека как венца творения. Однако гуманизм, признающий человека мерою всех вещей, предельно антропоцентричен по своей сущности, направлен на развитие индивидуальной личности и признает наличие в ней души, но без признания ее Творца. Провозглашая человека высшей ценностью, гуманизм подменяет христианский идеал Богочеловека идеалом человекобога [4, 10].

Православие видит в этом антропоцентризме поклонение человека самому себе как Идолу; как утверждение бытия на безбожной основе, эгоистическое стремление все отнести к себе и все определить собою. Согласно христианской антропологии, которая неразрывно связана с христианской антропогонией (учением о происхождении человека) и христианской сотериологией (учением о конечной цели бытия человека), человек, созданный по образу и подобию Творца, для которого Он и сотворил мир, тоже является венцом творения. Его превосходство над всем сущим объясняется дуализмом его природы, т.е. одновременной принадлежностью двум мирам: видимому, физическому (материальному) – это его тело, и невидимому, духовному (трансцендентному) – это его душа [8, с.68]. «Та неизменная устойчивость личности, которую мы подразумеваем под словом «я», создающая идентичность нашей индивидуальности..., - пишет митрополит Питирим, - определяется с точки зрения христианской антропологии именно душой, нематериальным субстратом, в котором заложена вся информация о нашем «я» [9, с. 208].

Таким образом, возрождение античных идеалов с их преклонением перед разумом, самоценностью личности, безграничными возможностями человека привело к абсолютизации этого понимания и к утрате синергии (сотрудничества человека с Абсолютом).

Исходя из сформировавшегося в педагогической науке и образовательной практике представления о том, что цель образования предопределяет природу, сущность образовательного процесса и задается социально-экономической, социокультурной средой, элементами которых являются государство, общество, индивид (указанные среды потребляют продукцию образования и формируют социальные заказы), мы пришли к следующему заключению. Сегодня, в связи с переходом общества от индустриальной стадии развития к постиндустриальной, когда основным продуктом человеческой деятельности становится информация и знания, цель образования как социокультурной практики человечества, по сути, приобрела прагматичный, утилитарно-прикладной характер. Смыслом образования стали не образовательные ценности, а конечный прагматический результат в форме сертификата о получении образования.

Исторически возникшие, укорененные в общественном сознании концептуальные установки на приоритетность в общем образовании прагматического рационального научного знания оттеснили в его содержании мир духовных исканий человеческих поколений. Образование тем самым сегодня утратило свой исторический «корневой» смысл «образовывания человеческого в человеке», развития средствами культуры его духовного образа. Между тем, именно с образованием связывается преодоление кризиса техногенной цивилизации. Ему в этих сложных условиях отводится роль «человекообразующего» фактора (Л.А. Степашко).

Таким образом, современное (гуманистическое) образование, основанное на развитии индивидуальных качеств личности учащегося, основной целью видит «формирование родовых качеств человека» (В.В. Давыдов), подготовку человека к жизни в обществе, к ее земному этапу как единственному и самоценному

Тогда как цель православного воспитания – поставить человека на путь спасения его души. Если гуманистическое образование предполагает самоактуализацию человека, помогает максимальной реализации в жизни его способностей, считая, что личность формируется в процессе противостояния жизненным трудностям, опираясь на собственную волю и могущество своего интеллекта. То православие формирует личность на основе Веры, Надежды и Любви. Становление личности происходит не столько через борьбу с внешними условиями и развитие собственных дарований, сколько через борьбу с нравственными и духовными недугами (страстями).

Согласно православной догматике, назначение человека не ограничивается одной земной жизнью, а простирается в вечность. Поэтому земная жизнь христианина, по слову свт. Игнатия (Брянчанинова), должна быть школой приготвления к жизни вечной. В данном контексте понятие «подготовка» (приготовление) предполагает созидающую и преобразующую работу, направленную не только на просвещение человека, но и наполнение его истиной, красотой и

добром. Согласно архиеп. Евсевию, «Воспитание для земли и воспитание для неба нераздельно между собою...», как двуединая цель православно-педагогической. «Как член гражданского общества, человек должен возрастать для круга общественной деятельности, к которой Бог призывает его; а как предназначенный к небесной жизни, он должен созреть ко дню жатвы и принести неувядаемые плоды...».

Таким образом, обе цели являются в равной степени важными для становления и развития человека; сочетаясь, они образуют единую, целостную цель воспитания и образования.

К сожалению, главным препятствием на пути к реализации этой цели является современное секулярное сознание, навязывающее человеку представление о том, что не существует абсолютных моральных норм, что всякая нравственность относительна, что человек может жить в соответствии со шкалой нравственных ценностей, которую он сам создает для себя. Причем его шкала может быть отличной (вплоть до противоположности) от условной нравственности другого. Сегодня общепринятой системой ценностей признается та, в которой наука занимает вершинное положение. В той или иной мере воольно или неволью современное общество исповедует сциентизм – религию технократической цивилизации. Однако научные знания, как известно, не имеют ценностного аспекта. Они не превращаются автоматически ни в мировоззрение отдельной личности, ни в мировоззрение как феномен культуры. Для того чтобы научное знание приобрело мировоззренческую функцию, нужна специальная работа, которую осознанно, а иногда и неосознанно, должен выполнять носитель формируемого мировоззрения (в нашем случае учащийся). Эта работа невозможна при «бедности души, оскудении внутреннего родника жизни, для которого только и можно трудиться и работать, при котором только и имеют цену все открытия и утехы. К чему все эти богатства и удобства, если потеряет душу человек, одно, что дает ему цену...», с тревогой отмечал К.С. Аксаков, оценивая высокие технические достижения человечества своего времени [1, с.418-419].

Великий русский педагог, основоположник отечественной педагогики как науки К.Д. Ушинский, признавая необходимость освоения школой научных достижений, был далек от обожествления науки, рассматривая её как порождение способностей души человека, его рассудка, присущего, согласно К.Д. Ушинскому, в определенной мере и животным. Но человек именно тем и отличается от животного, что ему Богом дана еще одна внутренняя сила, которая не дана животным — нравственное начало, «нравственный закон внутри нас» (И. Кант), который является универсальным для всего человечества и не зависит от культурных, национальных различий между людьми. Он написан в сердце каждого человека, следовательно, узнается не по внешней букве, а по тем чувствам, которыми сопровождаются поступки людей, и по тем мыслям, которые порождаются этими чувствами. Если нравственность отделить от

Божественного начала — она исчезнет. Вспомним Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет... стало быть, все позволено».

К великому сожалению, современному секулярному сознанию чуждо такое понятие, как «грех». Хотя в его лексиконе есть такие термины, как «преступление», «нарушение закона», «вина» и даже «моральный запрет». Однако понятие греха невозможно выразить в терминах светской этики, оно не может быть сведено к элементам системы моральных ориентиров, хотя и несет в себе ярко выраженное нравственное содержание. Психолог В.Н. Ничипоров отмечает, что отсутствие в общественном сознании только одного понятия – понятия греха привело ко многим грубым нравственным искажениям, выразившимся, прежде всего, в сердечном ожесточении и крайнем бесчувствии [11].

Общеизвестно, что для любой воспитательной, образовательной системы всегда важен вопрос, касающийся средств достижения цели. Одним из основных средств воплощения в жизнь целей образования выступает его содержание. Оно отражает смысловое и ценностное наполнение жизни и образования конкретного народа, а иногда и отдельной личности в конкретную историческую эпоху и формируется под воздействием определенной совокупности социокультурных, экономических, политических, цивилизационных и других факторов. По сути, содержание образования есть и результат, и условие развития истории и культуры народа, страны. Поэтому проблема содержания общего образования всегда была одной из приоритетных в педагогической науке и образовательной практике. Человечеству на всех этапах своего развития приходилось решать, чему учить подрастающее поколение. Ведущее положение эта проблема сохраняет и в наши дни. Если обратиться к истории отечественной педагогической мысли, мы увидим, что проблемой разработки содержания общего образования в разное время занимались многие ученые (Ю.К. Бабанский, Е.В. Бондаревская, Ш.А. Ганелин, М.А. Данилов, И.К. Журавлев, В.К. Загвязинский, В.В. Краевский, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, И.Я. Лернер, А.М. Новиков, М.Н. Скаткин, Л.А. Степашко и др.). Это позволяет судить о сложности данного феномена, о том, что новые представления о личности ученика, его образовании требуют новых подходов к решению проблемы определения состава и конструирования содержания общего образования.

На сегодняшний день в отечественном образовании представлены различные варианты моделей его содержания, которые связаны с определенной трактовкой места и функций человека в мире и обществе. Но существенным недостатком этих моделей признается то, что все они обнаруживают в качестве главного конструирующего значения в области содержания общего образования дидактическую концепцию освоения основ наук. Сложившаяся в 30-40 годы XX века, она приобрела силу методологического ориентира и оказала влияние на развитие дидактики, частных методик и педагогики

в целом; на профессиональное мышление учителей, на весь уклад школьной жизни. Являясь фундаментом решения проблемы формирования мировоззрения личности учащегося, эта концепция в педагогическом сознании утвердилась в качестве одной из высших педагогических ценностей. А потому, согласно авторитетному суждению Э. Фромма, «существующая система образования, как правило, направлена на то, чтобы научить людей приобретать знания как некое имущество, более или менее соразмерное той собственности и тому общественному положению, которые они, по всей вероятности, обеспечат себе в будущем...» [15, с.49].

Не случайно во второй половине XX века все чаще цель образования стала формулироваться как трансляция культуры. Все чаще в научных кругах речь шла о разработке новой концепции содержания общего образования, о приобщении подрастающего поколения к культурным ценностям общества, об интеграции в культуру. Попытка вырваться из привычных догматов педагогического сознания была предпринята научным исследовательским коллективом лаборатории общих проблем дидактики НИИ общей педагогики Академии педагогических наук под руководством В.В. Краевского, И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина. Исследователями была разработана и предложена иная, культурологическая концепция содержания образования, которая позиционировалась знанием подходу, предметности, обусловившему «расщепление единого мировосприятия, миропонимания» [2] учащимися и который привел к утрате целостности культуры, основанной на единой системе знаний.

Согласно этой концепции, содержание образования рассматривалось как педагогически адаптированная модель социального опыта, воплощенного во всей своей структурной полноте в культуре человечества. В его состав включались знания (не только основ наук, но и философские, методологические, аксиологические); способы деятельности (предметные и общепредметные); опыт творческой деятельности, проявляющийся в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений, отраженных в форме личностных ориентаций [7, с. 15].

Безусловно, данная концепция, получившая наибольшее признание и поддержку в ряду других, оказала большое влияние на практику, но реализована была частично. По замечанию И.М. Осмоловской, идеи уровневой процедуры формирования содержания образования не были реализованы, т.е. отбора содержания образования в целом, не разделенного на учебные предметы, не произошло, поскольку неоднократные попытки создать междисциплинарный исследовательский коллектив успехом не увенчались. Тогда как содержание образования, его состав и структура могут и должны разрабатываться только на междисциплинарной основе, утверждает В.Б. Новичков. В составе такого полидисциплинарного коллектива специалистов,

по мнению ученого, обязательно должно быть присутствие методолога, методистов-предметников, детского физиолога, психолога. Только такой междисциплинарный коллектив разработчиков может привести содержание образования к виду, готовому для предъявления учащимся. И эта идея не нова. Видный советский дидакт XX века М.Н. Скаткин был более радикален в своей позиции относительно состава специалистов-разработчиков содержания образования. Он считал, что предметная структура таит в себе опасность того, что целое будет заслонено его отдельными частями. Главным в его идее было утверждение полидисциплинарности такого разработческого коллектива, которого нам в дидактике не удалось в полной мере создать до сих пор.

И тем не менее, исходя из реалий сегодняшнего дня, теоретики педагогики и практики образования возможности культурологической концепции в решении обозначившейся проблемы усматривают в том, что при сохранении состава компонентов конструируемого содержания образования возможно изменение их содержательного наполнения. Такой подход позволил рассматривать четвертый элемент модели как опыт духовной жизни нашего общества, на реконструкцию (воссоздание), создание которого ориентировано сегодня как светское направление, так и православное направление педагогической мысли. Протоиерей Евгений Шестун отмечает: «Духовная сфера жизни человека является основой содержания светского образования. Слово «светский» в своем корне имеет слово «свет». Светское образование должно освещать, а значит, и просвещать человека, позволяя ему не только иметь знания, опыт, эрудицию, но и духовно осмысливать суть изучаемых явлений. Светское образование призвано возвысить человека до Божественной высоты, в отличие от атеистического, низводящего человека до животной самодостаточности» [16].

В православной педагогике имеется свой взгляд на проблему сущности содержания образования. Если основное направление работы общеобразовательной школы – овладение учащимися «точно очерченного круга знаний» основ наук, то содержание православного образования – богатейший пласт культуры (круг «общекультурных знаний») [2, с. 290], который несет в себе колоссальные возможности для решения проблемы духовно-нравственного воспитания школьников. Изучение православной культуры в современной школе открывает доступ к воистину сказочному духовному богатству, которое, к сожалению, мало востребовано русскими людьми и русской школой последних десятилетий.

Православная культура – это литература религиозно-нравственного содержания, включающая тысячи томов, написанных сотнями авторов. Прежде всего, это Священное Писание, святы, житийная и святоотеческая (церковно-учительная) литература (творения святых отцов – Ефрема Сирина, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Тихо-

на Задонского и т.д.). Это литература Древней Руси, представляющая собою единое пространство, объединенное религиозным содержанием. Только с VII в., под влиянием литературы Нового времени, пришедшей с Запада, возникают как бы два разных направления – светская литература и духовная (церковная). Именно в этой литературе сталкиваются вечные истины и указывается путь их постепенного обретения. Велико воспитательное воздействие христианской житийной литературы, повествующей о земной жизни святых, – людей, воплотивших христианский идеал, исполнивших своей жизнью, а зачастую и смертью, заповеди о любви – к Богу и ближним. Вот что писал по этому поводу выдающийся русский философ И.А. Ильин: «Чем раньше и чем глубже изображение ребенка будет пленено живыми образами национальной святости и национальной доблести, тем лучше для него. Образы святости пробудят его совесть, а русскость святого вызовет в нем чувство соучастия в святых делах, чувство приобщенности, отождествления «...»; образы героизма – пробудят в нем самом волю к доблести, пробудят его великодушие, его правосознание, жажду подвига и служения, готовность терпеть и бороться; а русскость героя – даст ему непоколебимую веру в духовные силы своего народа. Все это, вместе взятое, есть настоящая школа русского национального характера» [6].

Следует отметить литературу на исторические темы. Особой любовью на Руси пользовались книги, посвященные отдельным историческим событиям и лицам, описания сражений и подвигов. По сведениям одного этнографа из Смоленской губернии, «... народу приятно читать про лиц, приносивших себя в жертву России... подвиги многих незначительных лиц, проявленные во время Отецественной войны, вызывают гордость народа и глубокое уважение к безвестным героям, память о которых передается от старшего к младшему» [3]. Любимой книгой русского крестьянина была Псалтирь – «величайший памятник лирической поэзии всех веков и народов. Содержание его цельное и вечное...» [12].

Это и церковнославянский язык, который является важнейшим элементом православной традиции. Знание этого языка необходимо для понимания русской культуры вообще, а особенно литературы. Его изучение в основной школе повышает интерес к родной словесности, совершенствует речь учащихся, формирует представление о целостности культуры и исторической преемственности поколений. Через язык и литературу мы вбираем в себя – бессознательно, но глубоко – те начала, которыми жил, которые вырабатывал наш народ.

Другой, не менее значимый элемент русской культуры, оказывающий сильное воздействие на души подрастающего поколения – религиозная живопись. В первую очередь – иконы, в том числе и Андрея Рублева и фрески Дионисия, это богатейшие архитектурные традиции, это удивительная гимнография, объединяющая литургическую музыку и поэзию, это, наконец,

прикладное искусство – богослужебные сосуды, оклады икон, церковные облачения, – традиции которого живы до сих пор и др.

Самым актуальным обстоятельством, характеризующим православную культуру, является то, что вся она, даже в мельчайших своих компонентах, была и остается духовно, нравственно, эстетически значимой, и одно это определяет необходимость ее изучения в наш прагматический век. Как отмечает А. Кураев: «Православие не является системой изложения знаний, оно говорит о путях, которыми эти знания могут быть достигнуты». Это положение подчеркивает саму суть содержания православного образования.

Таким образом, если гуманизм подчеркивает нравственное значение научных знаний, то православие говорит (учит) о глубоких метафизических корнях науки, искусства, морали, полагая в их основание христианские догматы – абсолютные, божественные истины, не нуждающиеся в доказательствах. Если светское образование ориентирует человека на внешние знания, на достижение целей земного бытия, на понимание образования как получение определенной суммы знаний, умений и навыков, овладение культурой, достигнутой человечеством за всю историю существования. Это необходимо ему для ориентации и укоренения в земной жизни. То православная традиция нацелена на внеличностные, сверхиндивидуальные цели. Это обращенность к внутреннему человеку. Внутреннее знание дает ему (человеку) понимание самого себя, своей миссии в мире, смысла своей жизни, внутренние стимулы к личностному росту. Оно ставит духовные потребности выше земных, позволяет заложить основы истинного мировоззрения, благодаря которым можно легко воздвигнуть здание светских наук. Истории Русской Церкви известно, что еще отцы IV века признавали высокое значение общего классического и гуманистического образования, считая его лучшим благом, высшим украшением человека. Святитель Григорий Богослов в надгробном слове Василию Великому в особенную заслугу вменяет то, что он в совершенстве овладел всей полнотою современного ему образования, и резко отзывается о невежестве тех, которые думали, что христианам не нужна и даже опасна внешняя (нехристианская) ученость.

Итак, разработка стратегии развития современной образовательной системы в демократической России, очевидно, не может не ориентироваться на ценности отечественной педагогической мысли, на опыт многих поколений ученых и педагогов–практиков предшествующего периода, на опыт православной педагогики. Она должна учитывать все то богатство, то лучшее, что накоплено всеми педагогическими системами: гуманистической педагогикой – с ее пиететом перед личностью ребенка, православной педагогикой – с ее многовековыми традициями в области духовно-нравственного воспитания, советской педагогикой – с ее направленностью на воспитание патриотизма и служение обществу. Две традиции русской школы – светская и церковная – никогда не разрушали,

а напротив, взаимно дополняли и укрепляли друг друга, поскольку имеют под собой общие христианские основания. Еще в 1791 году митрополит Московский Платон (Левшин), освещая первую университетскую церковь (МГУ) во имя св. Татианы завершил Свою проповедь словами: «Училище наук и училище Христо-во стали быть соединены; мудрость мирская,

внесенная во святилище Господне, становится освященною; одно другому спомоществует, но при том одно другим утверждается». Думается, что при разумном сотрудничестве государственной системы образования и системы духовного просвещения возможно решение многих проблем в сфере образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / К.С. Аксаков. – М., 1995. – 526 с.
2. Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы: Очерки прикладной философии образования / Е.П. Белозерцев. – Волгоград: Перемена, 2000. – 461с.
3. Борытко Н. М. Онтологическое понимание современного воспитания / Н.М. Борытко // Интернет-журнал «Эйдос». – 2007. – (<http://www.eidos.ru/journal/2007/0301-4.htm>). - В над-заг: Центр дистанционного образования «Эйдос».
4. Зеньковский В.В. К.Д. Ушинский / В.В. Зеньковский // Педагогика. – 2001. – № 6. - С.67–68.
5. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Почему мы верим в Россию / И.А. Ильин. – М. : Эксмо, 2007. – 912 с.
6. Краевский В.В. Содержание образования: вперед к прошлому / Краевский В.В. – М. : Педагогическое общество России, 2001. – 36 с.
7. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви / В.Н. Лосский // Догматическое богословие.– М. : Центр «СЭТ», 1991. – 586 с.
8. Нечаев П., митрополит. Тело, душа, совесть (Учение о человеке в христианской традиции и современное общество) / П. Нечаев // Малая Церковь : Настольная книга прихожанина. – М. : Русский мир, 1992. – 96 с.
9. Назаров М. Наши идеалы / М. Назаров // Слово. – 1991. – №11. – С. 6–10.
10. Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию / Б.В. Ничипоров. – М. : Школа–Пресс, 1994. – 189 с.
11. Основы религии в школе. Священники в армии и на флоте (из совещания 21 июля 2009 года). – (<http://www.oko-planet.su/politik/newspday/15072-videoblog-dmitriya-medvedeva.html>).
12. Складорова Т.В. Православное воспитание в контексте социализации / Т.В. Складорова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. – 149 с.
13. Степашко Л.А. Философия образования: онтологические, аксиологические, антропологические основания: учебное пособие / Л.А. Степашко. – Владивосток, 2008. – 248 с.
14. Фромм Э. Иметь или быть? / Величие и ограниченность теории Фрейда / Э. Фромм. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. - 448 с.
15. Шестун Е., протоиерей. Православная педагогика / Е. Шестун. – М., Про–Пресс, 2001. – 576 с.